

О НАРОДНОСТИ ВЪ ДОНСКОМЪ ВОЙСКѢ.

Послѣ многихъ споровъ и противорѣчій въ русской литературѣ, признано несомнѣннымъ, что войско донскихъ казаковъ, за исключеніемъ весьма немногихъ Татаръ и другихъ иностранцевъ, составилось первоначально изъ русскихъ выходцевъ. Съ половины XVI вѣка, когда заговорили наши лѣтописцы о донскихъ казакахъ, до начала настоящаго столѣтія, выходъ Русскихъ, и отчасти иностранцевъ, продолжался непрерывно. На то не было никакихъ запрещеній: всякъ, кто желалъ, поступалъ въ казаки, могъ служить въ полкахъ, или, живя на Дону, заниматься своими дѣлами. Для иностранцевъ, въ прежнее время, существовало одно только ограниченіе: они должны были принять православную вѣру. Но съ начала нынѣшняго столѣтія и это строго не соблюдалось: генераль Круликовскій и полковникъ Залещинскій, до конца жизни своей, оставались католиками; есауль Морицъ былъ лютеранинъ, а генераль Бѣиловъ, выходецъ изъ кавказскихъ горцевъ, долго исповѣдывалъ магометанство и, уже въ чинѣ полковника, командуя полкомъ, принялъ святое крещеніе по собственной волѣ, а не по какому либо понужденію. Но нельзя сказать, чтобы много было донскихъ жителей, которые выходили съ Дона и поселялись по другимъ областямъ нашего отечества. Это не удивительно: новая сторона, просторныя пажити и вольный родъ службы способны

всегда привлекать къ себѣ эмиграцію, а не испускать ее отъ себя. Средства къ отличіямъ служили приманкою для удальцовъ, а обширныя пустыя пространства земли — для хозяевъ-скотоводовъ. Но запрещенія оставлять донскую службу никогда не существовало. Въ обоихъ случаяхъ, какъ для поступленія въ казаки, такъ и для перехода оттуда, господствовала совершенная свобода.

Такимъ образомъ, прибытіе на Донъ Русскихъ и другихъ выходцевъ продолжалось чрезъ все минувшее столѣтіе до начала настоящаго. Это было необходимо, потому что, по основаніи казачьяго общества, нѣсколько времени существовало безбрачіе. Послѣ, когда мало по малу на Дону начала водворяться семейная жизнь, то потери донскихъ витязей въ непрерывныхъ битвахъ и отправленіе ихъ въ дальнія экспедиціи на Терекъ, Уралъ и въ Сибирь, гдѣ нерѣдко они оставались навсегда, требовали пополненія рядовъ донскаго воинства новыми выходцами. Выходцы эти нерѣдко доставляли войску способныхъ и отважныхъ людей, потому что, по большей части, не глупцы отправляются искать счастья въ странахъ неизвѣстныхъ, и добровольно подвергаться опасностямъ, становиться лицомъ къ лицу съ непріятелемъ есть удѣлъ не малодушныхъ людей. Доказательствомъ тому, что почти всѣ донскіе генералы и другіе знаменитые люди, которые обозначили себя въ минувшемъ столѣтіи и сдѣлались родоначальниками первыхъ донскихъ фамилій, были изъ зашедшихъ на Донъ стороннихъ лицъ.

Поступленіе въ войско донское разныхъ выходцевъ продолжалось даже въ началѣ настоящаго столѣтія. Мы сами служили, еще не такъ давно, со многими генералами, штабъ и оберъ-офицерами, которые не только не происходили отъ казачьихъ фамилій, но вовсе не были донцами, не только на Дону не родились, но даже не имѣли тамъ никакихъ родственниковъ и въ казачью службу поступили сами. Знаменитый графъ Платовъ признавалъ даже для донской службы особенно полезнымъ, чтобы къ намъ поступали люди изъ хорошихъ фамилій русскаго дворянства. Такимъ образомъ, онъ пригласилъ въ донскую службу молодыхъ людей: Лопатина, Новицкаго и Новикова, изъ извѣстныхъ домовъ Московской губерніи. Первые два поступили въ лейбъ-гвардіи казачій полкъ, а послѣдній, по малолѣтству, еще не служилъ,

Между тѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, учрежденъ въ 1819 году комитетъ объ устройствѣ донскаго войска. Въ числѣ первыхъ предположеній комитета было запрещеніе принимать въ донскую службу людей не казачьяго происхожденія, равномѣрно и казакамъ переходить куда либо изъ войска.

Неизвѣстно, изъ какихъ поводовъ комитетъ могъ замыслить это нововведеніе, которое совершенно противорѣчило всей исторической жизни донскаго края, въ то время, когда комитету вѣнено было въ самую главную обязанность — начертать для управленія донскаго войска правила, основанныя на обычаяхъ, нравахъ и потребностяхъ его народонаселенія. Сколько мы припоминаемъ, около двадцатыхъ годовъ, нѣкоторые русскіе литераторы пустили въ свѣтъ мнѣніе, что донскіе казаки имѣютъ свое, не-русское, происхожденіе, и указывали на возможность выхода ихъ изъ древняго Тмутараканскаго княжества, гдѣ, будто бы, проживали они, смѣшавшись съ Черкесами, во все время татарскаго преобладанія надъ Россією. Это мнѣніе, въ свое время, было на Дону модное, и его тогда въ особенности раздѣляла образованная молодежь наша, которой, Богъ вѣсть почему, казалось поэтичнѣе происходить отъ какихъ нибудь очеркешенныхъ Тмутараканцевъ, чѣмъ отъ православнаго русскаго народа. Мнѣніе это было усвоено и нѣкоторыми членами комитета, болѣе другихъ вліятельными.

Съ другой стороны извѣстно намъ, что въ русской арміи, въ тогдашнее время, существовало убѣжденіе, будто бы достоинства, которыми казаки отличались, особенно въ отечественную войну, были качества у нихъ врожденныя. Утверждали, что неутомимость, смѣтливость, расторопность, чуткость, зоркость и другія нравственныя и физическія свойства, которыми казаки такъ рѣзко отдѣлялись отъ регулярной кавалеріи, были у нихъ общи со многими дикими племенами, хотя и у этихъ послѣднихъ нѣкоторыя изъ означенныхъ качествъ изощряются отъ навыка и жизни на воздухѣ. Верховное правительство такъ высоко цѣнило заслуги донцовъ въ отечественную войну, что очень естественно желало сохранить доблестныя ихъ качества и на будущее время. Повѣріе о врожденныхъ способностяхъ казаковъ и предубѣжденіе объ особенностяхъ ихъ породы могли навести и на мысль о воспрещеніи поступленія въ войско людямъ не казачьяго происхожденія, чрезъ что и сами казаки заключены въ ихъ тѣсныхъ рамкахъ, «для сбереженія

чистой казачьей крови», которая, быть можетъ, нигдѣ, какъ на Дону, не имѣла такого разнороднаго смѣшенія.

Скоро по открытіи комитета, въ 1821 году, послѣдовало Высочайшее повелѣніе — перевести служившихъ лейбъ-гвардіи въ казачьемъ полку офицеровъ, Лопатина и Новицкаго, въ регулярные полки; другіе же, служившіе въ донскихъ полкахъ офицеры, не казачьяго происхожденія, можетъ быть, потому, что они верховному правительству не были извѣстны, оставались въ войскѣ до конца службы своей. Но съ этого времени поступленіе въ войско иногороднымъ и выходъ изъ него въ другой родъ службы казакамъ сдѣлались крайне затруднительны, если не вовсе невозможны.

Хотя и не послѣдовало положительнаго воспрещенія принимать въ донское войско людей не казачьяго происхожденія, но войсковое начальство, видя, что верховное правительство не благопріятствуетъ этому, не стало уже зачислять въ казаки иногородныхъ своею властію, да и рѣдко осмѣливалось входить о томъ съ представленіемъ по просьбамъ желающихъ; со времени же обнародованія на Дону войсковаго положенія, съ 1835 года, принятіе иногородныхъ совершенно прекращено. Только въ лейбъ-гвардіи Казачій и Атаманскій полки, по Высочайшему повелѣнію, зачислялись время отъ времени, по бывшему прежде обычаю, нѣкоторые Азіятцы, да служили въ этихъ полкахъ сыновья нынѣшняго атамана, генераль-адъютанта Хомутова, и Вольховскій; но изъ нихъ окончательно зачисленъ въ казаки войска донскаго только послѣдній. Это состоялось послѣ долготнѣйшей его службы въ Атаманскомъ полку, по убѣдительному ходатайству войсковаго начальства и изъ уваженія къ тому, что подполковникъ Вольховскій, по матери, потомокъ донскихъ атамановъ Ефремовыхъ и, по наслѣдству, владѣетъ значительнымъ на Дону недвижимымъ имѣніемъ; но, кромѣ Вольховскаго, въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ, никто изъ русскихъ дворянъ въ донскіе казаки принятъ не былъ. Изъ нижнихъ чиновъ были зачислены въ войско, по Высочайшему повелѣнію, 100 кантонистовъ, прикомандированныхъ къ донской артиллеріи, около сотни семействъ кавказскихъ горцевъ и нѣсколько вольноотпущенниковъ изъ донскихъ крестьянъ. Изъ донскихъ же дворянъ дозволялось служить въ регулярныхъ полкахъ только воспитанникамъ Юнкерской школы, да кончившимъ курсъ въ Николаевской военной академіи.

Мало по малу запрещеніе вступать постороннимъ въ донскую службу вошло въ привычку, свобода прежняго обыкновенія стала выходить изъ памяти, и даже многіе изъ донцовъ начали считать своею привиллегіею исключительное для нихъ право — служить въ войскѣ. Однако, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ объ этомъ предметѣ совершенно противоположныя убѣжденія.

Нѣтъ никакого спора, что если права и привиллегіи наши дѣйствительно для насъ полезны, то мы должны желать сохранить ихъ; ежели же они вредны, то зачѣмъ ихъ отстаивать? Разсмотримъ, со всѣхъ сторонъ, ближе и безпристрастнѣе этотъ вопросъ и укажемъ доводы тѣхъ лицъ, которыя въ запретительныхъ мѣрахъ не видятъ пользы.

Неоспоримо, что главная привиллегія войска донскаго состоитъ въ особенномъ образѣ служенія его. Безъ сомнѣнія, всѣ добрые донцы желаютъ, чтобы служба ихъ была сколько можно болѣе полезна отечеству. Это врожденное, заповѣданное предками, сердечное желаніе донцовъ основано столько же на усердіи къ престолу и отечеству, сколько и на желаніи заслужить себѣ почетное имя у современниковъ и въ потомствѣ.

Служба казачья имѣетъ своего рода трудности, преодоленіе которыхъ требуетъ особенныхъ способностей. Но природа никогда не производитъ всѣхъ людей съ одинаковыми наклонностями: каждому извѣстно, какъ разнообразны дары ея. Всмотримъ въ какое угодно семейство: вы рѣдко встрѣтите, чтобы три брата, дѣти одного отца и одной матери, совершенно походили другъ на друга. Какимъ же образомъ можно требовать, чтобы всѣ жители обширной области, которая давно уже знакома съ гражданственною жизнію, имѣли стремленіе къ одному военному ремеслу? По законамъ природы, люди рождаются со способностями къ тѣмъ предметамъ и занятіямъ, которыхъ отъ нихъ требуетъ общество. Во всякомъ же обществѣ, а слѣдовательно и въ войскѣ донскомъ, нужны и ученый, и художникъ, и купецъ, и всякаго рода мастеровой, больше же всего земледѣлецъ. Но у насъ всѣ жители должны бросать занятія, для которыхъ создала ихъ природа, или должны упражняться въ этихъ занятіяхъ среди службы, урывками и, волею неволею, приниматься за пику; а дѣламъ, къ которымъ влечетъ ихъ сердце, можетъ посвятить себя только самое малое число лицъ, и то съ большими затрудненіями. Отъ этого на Дону многіе казаки употребляютъ всѣ способы, чтобы уклониться отъ службы; даже офицеры

нерѣдко оставляютъ ее, подѣ предлогомъ болѣзни, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, къ неудовольствію войсковаго начальства.

Провидѣніе еще болѣе обнаруживаетъ мудрые свои законы тѣмъ, что для какого именно края нужны люди, способные къ исключительному занятію, тамъ они и рождаются. Казачья служба нужна не для войска донскаго, а для всей Россіи. Поэтому, въ разныхъ губерніяхъ, много прекрасныхъ и очень хорошо образованныхъ молодыхъ людей, изъ дворянъ, изъявляли желаніе поступить въ донскіе казаки, но, по нынѣшнему порядку, при всѣхъ стараніяхъ, не могли достигнуть цѣли. Въ старину, такая кипучая молодежь, исполненная удалства и отваги—неотъемлемыхъ принадлежностей русскаго народа—проложила бы дорогу себѣ на Дону и принесла бы, можетъ быть, нашему казачеству такую же пользу, какъ Платовы, Орловы, Иловайскіе. А теперь, когда полки наши наполняются одними природными донцами, мы, къ прискорбію, начинаемъ замѣчать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ офицерахъ, какую-то вялость, апатію, и должны сознаться, что иногда встрѣчаются у насъ офицеры, уступающіе офицерамъ регулярнымъ въ отношеніи ревностнаго одушевленія. И не мудрено: въ регулярныхъ полкахъ всякій служитъ по собственному желанію и выбору рода службы, а не всѣ, по наряду. По этой причинѣ, нѣкоторые, не посвященные во всѣ требованія казачей службы, дозволяли себѣ мнѣніе и даже предлагали его печатно, что будто было бы полезно наполнять донскіе полки регулярными офицерами, забывая, что такая насильственная мѣра оскорбила бы честь нашихъ полковъ и окончательно убила бы духъ ихъ, а казачей службѣ не принесла бы ни малѣйшей пользы, потому что служба эта имѣетъ много своихъ потребностей и особенностей, для которыхъ необходимо знаніе и долговременный опытъ, и для которыхъ не только фронтное и манежное обученіе, но и научныя свѣдѣнія еще недостаточны: иной регулярный офицеръ могъ бы быть предъ казачью сотнею, по незнанію дѣла, не только бесполезенъ, но и смѣшонъ.

Кромѣ рожденія по плоти, есть другое, высшее рожденіе — призваніе по духу, которое проявляется въ горячей любви къ тому или другому предмету. Если бы въ полкахъ нашихъ, какъ въ старину, было побольше казаковъ, происходящихъ отъ такого именно рожденія,—казаковъ, для которыхъ свистъ ядеръ и пуль составляетъ любимую музыку, а тревоги, опасности, близкое

сосѣдство и частое знакомство съ непріятелемъ приносятъ наслажденіе, то полки эти и служили бы по-старинному. Да не подумаютъ земляки наши, что мы утверждаемъ, будто между нами теперь нѣтъ уже настоящихъ казаковъ: напротивъ, есть еще въ полкахъ нашихъ такіе молодцы, которые отнюдь не уступятъ платовскимъ витязямъ; но нельзя не согласиться, что ихъ уже не очень много,—а желательно чтобы они составляли, по крайней мѣрѣ, большинство. Ловкій человѣкъ, прибывшій изъ посторонняго для насъ круга, возбуждаетъ естественнымъ образомъ соревнованіе. Но въ дѣлѣ этомъ не должно быть никакого начальственнаго распоряженія, ничего произвольнаго назначенія. Достаточно только разрушить воздвигнутую, неизвѣстно почему, между нами и нашимъ общимъ отечествомъ китайскую стѣну и открыть къ намъ свободную дорогу: пусть расторопная и способная молодежь, по своей доброй волѣ, поступаетъ въ полки наши; пусть оказавшійся изъ этой молодежи достойнымъ выслуживается въ офицерскіе и большіе чины: когда отъ званія простаго казака онъ пройдетъ всю служебную лѣстницу, то нечувствительно освоится со всѣми тонкостями казачей службы, и, впоследствии, никто не замѣтитъ, что онъ не природный казакъ.

Черезъ поступленіе въ донскіе полки подобныхъ волонтеровъ будетъ на Дону оставаться болѣе свободныхъ отъ военной службы казаковъ, которымъ представится возможность посвящать себя другимъ занятіямъ по своему выбору и которые, на пути своего призванія, будутъ гораздо полезнѣе какъ своему краю, такъ и отечеству. Хотя мы сказали, что въ донской землѣ давно уже водворилась гражданственная жизнь, но эта гражданственность стоитъ у насъ еще на весьма низкой степени развитія. Торговля у насъ, за исключеніемъ только войсковаго торговаго общества (дѣйствія котораго ограничиваются почти однимъ Новочеркаскомъ), находится на Дону, повсюду, въ рукахъ иногородныхъ, да и тѣ не могли ее распространить въ надлежащей степени, по случаю существовашаго доселѣ запрещенія пріобрѣтать въ станицахъ дома. Фабрикъ у насъ нѣтъ; заводы же, на которыхъ приготавливаются необходимѣйшія потребности жизни (кожи, свѣчи, мыло, веревки и т. п.), находятся въ самомъ плохомъ состояніи; земледѣліе до сихъ поръ во младенчествѣ. По этимъ причинамъ, многіе сырые матеріалы вывозятся за безцѣнокъ, а послѣ, передѣланные въ товары, про-

даются намъ же дорогою цѣною; другіе мѣстные сырые матеріалы вовсе согниваютъ, не принося никому пользы, а жители донскіе, несмотря на пространныя и удобныя поземельныя довольствія, на плодороднѣйшую во многихъ мѣстахъ почву и на неисчерпаемое количество каменнаго угля и другихъ продуктовъ, находятся большею частію въ бѣдности.

Разрѣшая зачисляться въ казаки войска донскаго стороннимъ лицамъ, слѣдуетъ, разумѣется, дозволить и донцамъ избирать внѣ войска себѣ поприще, по призванію, или по желанію каждаго. Такимъ образомъ, открылась бы и для донскихъ казаковъ та дорога, которая намъ однимъ заграждена изъ всѣхъ подданныхъ великаго Русскаго царства и которою безпрепятственно пользуются не только всѣ иностранцы, но даже бывшіе враги Россіи — Татары и Поляки. Тогда всякій, кто чувствуетъ въ себѣ какое либо особое дарованіе, могъ бы дать ему пищу и развить его. вмѣсто военной службы, въ которой, быть можетъ, изъ него выйдетъ очень плохой солдатъ, казакъ служилъ бы отечеству съ большею пользою какъ литераторъ, художникъ, артистъ, механикъ, или какъ купецъ и ремесленникъ. Даже на самомъ военномъ поприщѣ — вступивъ вмѣсто донскаго полка въ регулярный, или на поприщѣ гражданской службы, опредѣляясь гдѣ либо по министерству, даровитый казакъ можетъ также принести пользу отечеству. Въ этомъ смыслѣ мы имѣли счастье лично слышать желаніе покойнаго Императора Николая Павловича: при посѣщеніи въ 1837 году новочеркаской гимназіи, Его Величество изволилъ сказать тамошнимъ воспитанникамъ: «учитесь, дѣти, хорошенько. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ, выучившись, многіе изъ васъ дослужились до большихъ чиновъ и были бы у меня начальниками штабовъ, главнокомандующими, сенаторами, министрами».

Нѣкоторые утверждаютъ, что если свободу поступать въ войско и выходить изъ него предоставить всякому желающему, то полки и батареи наши могутъ наполняться неспособными для казачьей службы людьми, а войско донское, которое составляетъ основаніе всѣхъ прочихъ казачьихъ войскъ имперіи, можетъ разойтись въ разныя стороны и тѣмъ нанести большой вредъ всему казачеству, для государства необходимому.

На это мы слышали возраженія, что и при разрѣшеніи свободнаго поступленія въ казачьи полки пріемъ въ оныя долженъ быть допущенъ съ осмотрительнымъ разборомъ, что при-

нѣтіе въ казаки должно быть дозволяемо только молодымъ людямъ, и не выше перваго офицерскаго чина, при чемъ тѣ изъ молодыхъ дворянъ, которые пожелаютъ поступить на службу на правахъ юнкеровъ, а также дѣти разночинцевъ на правахъ вольноопредѣляющихся, должны быть достаточно образованы и выдержать установленный экзаменъ, или, для приготовления къ оному, поступить въ новочеркаскую гимназію; послѣ же, для узнанія порядка службы, должны быть прикомандированы къ учебному полку. А какъ главная цѣль ихъ опредѣленія въ казаки состоитъ въ удовлетвореніи душевнаго стремленія къ военнымъ подвигамъ, то во время войны посылать ихъ въ дѣйствующую армію, въ мирное же время—зачислять въ тѣ полки, которые будутъ служить на кавказскихъ передовыхъ линіяхъ, чтобы эти молодые люди имѣли возможность познакомиться на практикѣ съ трудною и дѣятельною аванпостною службою и находили для себя случаи къ отличіямъ; но, по прослуженіи трехъ лѣтъ, предоставить имъ право (если бы не пожелали сами продолжать службы на Кавказѣ) поступать въ тѣ донскіе полки, которые наряжаются и въ другіе края имперіи. Само собою разумѣется, что отъ нихъ нельзя отнимать права перехода изъ донскихъ полковъ въ другія части войскъ государства, или и вовсе оставлять военную службу. Люди низшихъ сословій, желающіе поступать въ простые казаки, должны быть свидѣтельствуемы въ здоровьи и тѣлосложеніи, на основаніи рекрутскаго устава, и какъ опредѣляются въ казаки по своей доброй волѣ, то должны имѣть собственнаго, годнаго для службы коня, а также собственное вооруженіе, аммуницію и обмундировку. Навсегда же въ казачье сословіе донскаго войска ни офицеры, ни нижніе чины не могутъ быть приняты иначе, какъ по согласію общества той станицы, куда пожелаютъ поступить.

Что касается до желающихъ исключаться изъ казачьяго сословія войска донскаго, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, ихъ много не окажется. Для избранія какой либо спеціальной дороги, нужно имѣть къ ней предварительныя приготовленія, на что требуются и средства и время. Притомъ, донцы такъ любятъ свою родину, что никто, безъ особенно важныхъ причинъ, не согласится покинуть ее. Офицеры же, которыхъ высшее правительство могло бы найти способными къ занятію какихъ ли-

бо мѣстъ внѣ войска, не должны чрезъ это лишаться права своего на гражданство въ войскѣ.

Мы отнюдь не желаемъ, чтобы войско донское превратилось въ губернію и чтобы, такимъ образомъ, славное наше казачество исчезло.

Напротивъ, мы желаемъ, чтобы войско донское служило на прежнихъ основаніяхъ всегда,—по крайней мѣрѣ, долго, долго, пока для отечества нужна будетъ казачья служба. Но можетъ ли помѣшать развитію донскихъ доблестей, когда какойнибудь молодой человекъ изъ-за предѣловъ войска, движимый жаждою къ славнымъ подвигамъ, пристанетъ къ рядамъ нашимъ, какъ тому мы указали многіе примѣры, бывшіе въ прежнее время? Дай Богъ, чтобы донскіе полки всегда служили съ такою славою и пользою, какъ въ незабвенномъ 1812 году, когда, въ главѣ ихъ, нерѣдко стояли если не сами вступившіе въ казачій кругъ изъ чуждаго ему сословія, то ихъ дѣти, или внуки. Мы полагаемъ также, что не будетъ ущерба чести донскому оружію, если принадлежащіе къ нему по происхожденію люди, не имѣющіе призванія къ трудной и тревожной казачьей службѣ, откроютъ для себя другую, болѣе сообразную съ ихъ склонностями дорогу. Въ войскѣ останется еще достаточное число людей для наполненія рядовъ полковъ нашихъ, и эти-то оставшіеся будутъ служить не по принужденію, а по доброй волѣ и, разумѣется, съ большою пользою.

Мы очень хорошо понимаемъ всю теперешнюю важность донскаго войска для отечества. Находясь на мирномъ положеніи, среди другихъ губерній, не имѣя уже надобности защищать свои собственныя жилища отъ сосѣдей, донцы представляютъ нынѣ изъ себя войско, совершенно свободное и готовое по первому слову правительства къ выступленію въ поле на неопредѣленное время и въ самые отдаленные края. Такимъ образомъ, у правительства всегда подъ рукою цѣлая сотня полковъ отличной легкой кавалеріи и нѣсколько батарей самой подвижной артиллеріи, которыя, въ мирное время, живя въ своихъ домахъ, не требуютъ никакихъ государственныхъ расходовъ. Конечно, мы желаемъ отечеству нашему процвѣтать безконечныя вѣки въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи; но не даромъ признано золотымъ правиломъ: «кто хочетъ сохранить миръ, долженъ быть готовымъ къ войнѣ!» Мы никогда не согласимся съ возникающими

мнѣніями, что войско донское, переставъ быть передовымъ стражемъ Россіи и, окруженное обрусѣвшими уже областями, дѣлается анахронизмомъ, и что теперь многіе новые казаки, поселенные на границахъ имперіи, не только сравнились съ донцами, но даже затмили ихъ. Согласимся, пожалуй, что линейные казаки имѣютъ въ войнѣ съ горцами преимущество предъ донскими; но для такой огромной имперіи, какъ Русская, очень недостаточно обращать вниманіе исключительно на одну только горную войну. Государство наше окружено Европою, Азією, морями: надобно быть готовымъ имѣть дѣло какъ съ регулярными арміями, такъ и со степными народами; надобно умѣть оборонять берега морскіе. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, ни линейные, ни другихъ войскъ казаки никогда не сравнятся съ донскими. Притомъ, если для Россіи, впоследствии, и не будутъ нужны казаки, то какой превосходный разсадникъ представлятъ донцы для составленія изъ себя регулярной конницы! При ихъ способности скоро понимать и быстро совершать всякія воинскія движенія, при ихъ смѣливости примѣняться ко всѣмъ требованіямъ службы, при ихъ превосходной нравственности, дѣтскомъ повиновеніи и усердіи, при отличной добротѣ ихъ коней, они могутъ составить изъ себя самую лучшую въ мірѣ кавалерію.

Что касается до явившихся нѣкогда и до сихъ поръ поддерживаемыхъ убѣжденій, что замкнутость войска донскаго необходима для поддержанія въ немъ элементовъ народности, то, глубоко изучивши нравы и жизнь своихъ одноземцевъ, мы утверждаемъ, что самостоятельность казаковъ лучше всего можетъ поддержать самая казачья служба. Она имѣетъ уже такъ много прочныхъ учрежденій и сохранила столько живучихъ преданій, что и на будущее время, сама собою, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ къ сохраненію народности, можетъ вести полки донскіе не только не уменьшая ихъ достоинствъ, но, напротивъ, развивая и совершенствуя оныя.

Казачья служба, какъ и всякая другая: морская, артиллерійская, инженерная и проч., можетъ совершенствоваться и наукою. Въ прежнее время, казаки, до поступленія въ полки, не знали другаго ученья, кромѣ того, которое они пріобрѣтали изъ рассказовъ своихъ стариковъ и людей «бывалыхъ»; также, сами собою, по образу жизни своей, пріучались они ѣздить вер-

хонь, отчего происходили иногда домашнія военныя игры, съ наѣздничествомъ и стрѣльбою. Но всего этого было недостаточно, и, нерѣдко, многіе «малолѣтки» являлись въ первый разъ на службу самыми плохими наѣздниками, не умѣя даже зарядить ружья. Въ настоящее время, данъ въ руководство казачьимъ полкамъ воинскій уставъ о строевой службѣ, примененный къ общему кавалерійскому уставу и заключающій въ себѣ особыя наставленія для отдѣльныхъ дѣйствій казачьихъ отрядовъ, а для усовершенствованія собственно донскихъ полковъ постоянно находится въ Новочеркасскѣ учебный полкъ, въ которомъ приобрѣтаютъ служебныя познанія офицеры и молодые казаки, поступающіе потомъ въ полевые донскіе полки и содѣйствующіе ихъ фронтовому образованію. Но въ домахъ своихъ и теперь еще казаки не получаютъ почти никакого приготовленія, не имѣя для этого ни времени, ни средствъ. Нельзя не замѣтить и того, что въ разныхъ концахъ Имперіи, куда посылаются донскіе полевые полки, требованія казачьей службы такъ разнообразны, что нѣтъ почти возможности дома приготовить казака, какъ нужно, для мѣста его назначенія. Какая, напримѣръ, разница царство Польское, Кавказская линія и Закавказье! Отъ этого настоящее образованіе казаковъ для службы въ томъ или другомъ краю совершенствуется уже на самомъ мѣстѣ службы, въ полкахъ. Но самая лучшая школа для нихъ есть война. Каждый почти непріятель имѣетъ свой особенный характеръ, а всякій театръ военныхъ дѣйствій свою мѣстность. Близкое знакомство съ первымъ и точное изученіе послѣдней необходимы для приобрѣтенія успѣха надъ врагами. Хорошая окурка пороховъ даетъ безтрепетность въ бояхъ; привычка къ длиннымъ походамъ, быстрымъ переѣздамъ, безсоннымъ ночамъ и другимъ военнымъ трудностямъ рождаетъ неутомимость; а наставленія начальниковъ и старшихъ казаковъ, вмѣстѣ съ разказами товарищей, научаютъ разстановкѣ ведетовъ, удачному дѣйствію въ партіяхъ, военнымъ хитростямъ и выполненію всѣхъ разнообразныхъ требованій казачьей службы. Изъ этого слѣдуетъ, что къ образованію казака и на войнѣ народность вовсе не нужна.

Въ нынѣшнее время уже не удивляетъ мнѣніе, еще недавно казавшееся для многихъ совершенно дикимъ, что усовершенствованію казачьей службы можетъ также много содѣйствовать умственное образованіе. Теперь уже никто не сомнѣвается въ

необходимости свѣта наукъ, не только для солдата-пѣхотинца, но и для мужика-пахаря; поэтому странно было бы слышать опроверженія пользы образованія для казака, котораго все достоинство состоитъ въ расторопности, смышленности, въ развитіи не только физическомъ, но и умственномъ. Не разъ мы говорили и теперь считаемъ долгомъ повторить, что какъ бы безконечно выиграла иррегулярная служба, если бы офицеры для нея приготовлялись съ надлежащимъ образованіемъ, если бы всякое знакомство съ мѣстностію военныхъ дѣйствій было осмотрено глазами, просвѣщеннымъ знаніями, если бы каждое соприкосновеніе съ непріателемъ было обсужено умомъ, озареннымъ свѣтомъ наукъ.

Въ заключеніе нужно разсмотрѣть результаты, какіе получаетъ само правительство отъ замкнутого состоянія войска.

Опыты исторіи всѣхъ вѣковъ, но болѣе всего современныя политическія событія, доказываютъ, что когда государство составлено изъ разныхъ національностей, то это доставляетъ правительству его многія затрудненія. Лучшій примѣръ тому Австрія. Сколько эту державою употреблено было трудовъ и разныхъ усилій, чтобы, по возможности, оѣмечить различныя свои народы. Послѣдствія удостовѣрили, что всѣ старанія были бесплодны. Какъ завидуетъ Австрія тѣмъ государствамъ, гдѣ нѣтъ столькихъ народностей! Намъ случилось читать въ одной иностранной газетѣ отзывы о Россіи, что хотя и наше отечество заключаетъ въ себѣ многія націи, но чисто-русскій элементъ имѣетъ въ немъ такое сильное преобладаніе, что увлекаетъ за собою все нерусское и нечувствительно, мало по малу, русить и татаръ, и нѣмцевъ. Для чего же теперь созидать народность искусственную? Для чего область, населенную людьми чисто русскими, или совершенно обрусѣлыми, которые говорятъ русскимъ языкомъ и исповѣдуютъ русскую вѣру, для чего держать ее такимъ особнякомъ, заграждать всякіе пути изъ нея къ отечеству и обратно, и уничтожать связи, которыя могутъ ближе скрѣпить нашъ родственныи съ нимъ союзъ?

Итакъ, пусть находятся еще люди, которыхъ занимаетъ мысль о нашемъ различіи отъ прочихъ областей Имперіи, объ особенностяхъ нашей жизни и происхожденія; но донцы искренно желаютъ тѣснѣйшаго сближенія съ отечествомъ, которое они любятъ и за которое, въ продолженіе трехъ столѣтій, лилась

кровь ихъ. За эти потоки крови и за ихъ вѣрную и усердную службу, они желаютъ одной только награды — чтобы общая мать наша, Россія, не изобрѣтала для нихъ особенной народности и приняла ихъ, какъ истинныхъ дѣтей своихъ, въ родныя свои объятія.

Г. Л. В—ВЪ 1-й.
